

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.893

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.173-183

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л.Ш. Мачукаева

*Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, 364051, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрена проблема формирования гражданской идентичности студентов в ходе изучения истории народов Северного Кавказа. Историческое сознание – один из инструментов формирования общероссийской гражданской идентичности у молодого поколения. Память о событиях прошлого может не только способствовать единению людей вокруг общих национальных ценностей, но и стать поводом для исторических обид, претензий, конфликтов в настоящем. Данная проблема показана на примере противоречивых оценок исторических событий в Северо-Кавказском регионе XIX – начала XX в. (Кавказская война, деятельность и методы ведения войны российских военачальников и горских предводителей, мухаджирское движение, действия имперских властных структур). Автором ставятся вопросы о том, как преподавать историю Северного Кавказа молодому поколению, какие подходы к объяснению особо сложных, противоречивых, трагичных исторических событий в регионе использовать, чтобы история не становилась инструментом конфронтации и разъединения его народов, способствовала формированию общероссийской гражданской идентичности. Обозначены некоторые подходы (рекомендации) к преподаванию истории Северного Кавказа, которые позволят выявить интеграционные тенденции в историческом прошлом края; продемонстрировать факторы, сближавшие его народы, культуры, мировидения и определявшие общие перспективы исторического развития.

Ключевые слова: гражданская идентичность, историческое сознание, интеграция, история Северного Кавказа, студенты, методы преподавания

В отечественной обществоведческой науке особое место сегодня занимает определение понятия «общероссийская гражданская идентичность», его содержание и значение, пути и инструменты его формирования в сознании молодого поколения.

Несмотря на то что обозначенная проблема относительно недавно оказалась в фокусе внимания российских гуманитариев, в нормативно-правовых документах и научной литературе уже можно выявить более трех десятков определений понятия «общероссийская гражданская идентичность». Основу большинства современных представлений о гражданской идентичности россиян составляет законодательное определение общероссийской гражданской идентичности, закрепленное в российском законодательстве дополнениями от 6 декабря 2018 г., внесенными в Стратегию государственной национальной политики Российской

Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666). Оно звучит следующим образом: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» (СГН).

Важность формирования гражданской идентичности в современной России рассматривается в контексте национальной безопасности. Она видится как основа для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в целях укрепления единства народов Российской Федерации, в противовес насаждению чуждых идеалов и ценностей, которые расцениваются как угрозы национальной безопасности (СНБ).

Если в общественно-научном дискурсе необходимость формирования гражданской идентичности в нашей стране для обеспечения ее государственного суверенитета, сохранения общественного согласия и межнационального единства не вызывает сомнений и, более того, рассматривается как естественно-исторический процесс [1], то вопрос о путях и средствах ее формирования, в первую очередь у молодого поколения, остается открытым. На данном этапе некоторые из предлагаемых средств достижения поставленной задачи только проходят апробацию и судить об их эффективности пока сложно.

Одним из важнейших средств формирования общероссийской гражданской идентичности у молодежи является знакомство с историей Российского государства, историей собственного региона, края.

Очевидно, что история – это та отрасль знания, которая имеет огромное воспитательное значение. Изучая историю, молодой человек знакомится с примерами гражданственности и патриотизма, перенимает духовный, политический, социальный, культурный опыт предшествующих поколений, становится звеном в передаче и приумножении духовно-нравственных ценностей, о которых речь шла выше. Изучение истории ведет к формированию исторического сознания у отдельного человека и общества в целом. Становление исторического сознания у молодого поколения происходит в процессе изучения истории Российского государства и истории его отдельных регионов.

Историческое сознание можно рассматривать как один из важнейших инструментов формирования гражданской идентичности. В связи с этим у современных исследователей даже появилось понятие «родство по истории». Историк и философ С.В. Перевезенцев таким образом раскрывает роль исторического сознания в формировании национальной идентичности: «Единое историческое сознание народа или народов в рамках одного государства или цивилизации можно образно назвать “родством по истории”, ведь нередко общая историческая судьба связывает отдельных людей и даже целые народы крепче кровного родства. В основе “родства по истории” лежит общая историческая память. Общая историческая память – это осознанное или неосознанное чувство единства исторической судьбы и потому самая распространенная форма исторического сознания» [2, с. 46].

С данным выводом о значении исторического сознания сложно не согласиться. Проблема в другом, и она, в общем-то, очевидна – память о событиях

прошлого далеко не всегда способствует появлению ощущения «родства по истории». Эта память может быть питательной средой для сохранения и культивирования исторических обид и претензий, серьезных противоречий и даже конфликтов, глубоких общественно-политических кризисов. С.В. Перевезенцев указывает на эту проблему в российском обществе и подобных ему, не преодолевших внутренние расколы. Он пишет, что «различные локальные сообщества формируют свою собственную историческую политику, общеобязательную для их участников, иными словами, приходится говорить не о компромиссной исторической политике, сформированной в ходе дискуссий и обмена мнениями, а о сосуществовании множества исторических политик, завязанных на мировоззренческую и национальную основы» [2, с. 55]. В этом случае, конечно, никакого родства по истории как одной из основ единой гражданской идентичности сложиться не может.

Обозначенная проблема становится особенно актуальной при преподавании региональной истории как самостоятельной дисциплины или в качестве так называемого регионального компонента в рамках курса истории Российского государства в системе среднего и высшего образования. С такой проблемой сталкиваются преподаватели региональной истории в национальных республиках Северного Кавказа. В настоящем исследовании использовался опыт преподавания курса «История Северного Кавказа» студентам Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова.

История указанного региона всегда отличалась, если так можно выразиться, особой пассионарностью. Виной тому целый комплекс объективных и субъективных факторов. Географическое положение Кавказа и Предкавказья веками, если не тысячелетиями, делало его, говоря сегодняшним языком, геополитическим перекрестком, сферой притяжения и интересов значительного числа внутренних и внешних акторов, их жесткого противостояния и противоборства. Этническая пестрота дополнялась конфессиональными, культурными, языковыми различиями, разностью в организации и уровне социальной и хозяйственной жизни. Все это, сосредоточенное на относительно небольшом пространстве, порождало острейшую проблему межэтнических границ и, как следствие, междоусобиц и кровавых столкновений за землю. Проблема границ на Северном Кавказе и сегодня нередко «врывается» в новостную повестку, вносит напряженность и тревогу во взаимоотношения коренных народов края, грозит перерасти в серьезный социально-политический кризис, требуя серьезного вмешательства государственных структур. Войны, завоевательные походы, междоусобицы, восстания, миграции и переселения – это те события, которые веками регулярно происходили в истории региона; более того, они становились трагической обыденностью для его населения.

Особое место в истории Северного Кавказа занимают военно-политическое продвижение Российской империи в регион, включение его в состав России; история взаимоотношений русских властей с коренным населением. Для всех, кто изучал историю региона или просто ей интересовался, очевидно, что данная проблематика чрезвычайно сложна, неоднозначна, полна противоречивых оценок. Достаточно сказать, что без малого столетие (с конца XVIII до второй половины XIX в.) история региона была чередой перманентных военных конфликтов

разной степени интенсивности между регулярной армией Российской империи и горцами Северного Кавказа, восстаний и волнений местного населения против царских властей после завершения Кавказской войны. Сложнейшая тема в истории Северного Кавказа дореволюционного периода – движение мухаджирства, вынужденного переселения сотен тысяч горцев в Османскую империю в конце Кавказской войны и после ее завершения.

Вышесказанное объясняет, почему перед преподавателем региональной истории в школьном классе или в студенческой аудитории сегодня так остро стоит вопрос о том, как донести историю Северного Кавказа до молодого поколения, какие подходы к объяснению особо сложных, противоречивых, нередко трагичных событий прошлого использовать, чтобы история не стала инструментом конфронтации между народами региона, а чтобы, напротив, можно было максимально задействовать ее интегрирующую функцию. Конечно, обозначенная проблема чрезвычайно актуальна и сложна для всего исторического знания, а не только для отдельной его составляющей – истории Северного Кавказа.

Современные российские исследования не предлагают однозначных ответов на поставленные вопросы, хотя первые подходы к их решению наметились, и некоторые из них мы попробуем ниже продемонстрировать.

В настоящей работе мы намеренно не касались проблемы изучения истории Северного Кавказа советского и постсоветского периодов в контексте задачи формирования общероссийской гражданской идентичности через историческое сознание. Этот чрезвычайно важный вопрос требует отдельного исследования.

Одна из ключевых и наиболее сложных тем в истории Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX в. – это тема Кавказской войны. В связи с этим в современных исследованиях встречается даже призыв соблюдать в кавказоведении «разумный баланс, в последнее время резко нарушенный неоправданно гипертрофированным интересом к теме Кавказской войны» [3, с. 118]. Подобная позиция основана на справедливом доводе: военные действия – это далеко не все, что происходило на Северном Кавказе в период с 1817 по 1864 г.

Разумный баланс в освещении исторических событий на Северном Кавказе, действительно, необходим. Но, на наш взгляд, даже при его соблюдении проблемы Кавказской войны (в связи с особой значимостью и важностью итогов этого события для последующей истории региона и России в целом) все равно будут вызывать повышенный интерес молодого поколения и, следовательно, требовать особых подходов к ее освещению.

Проблема усугубляется тем, что, хотя Кавказская война привлекала и продолжает привлекать внимание историков уже почти два столетия, до сих пор не выработана позиция, позволяющая иметь единое, целостное видение событий того периода. В свете вышеизложенных соображений очевидно, с какой серьезной трудностью сталкивается преподаватель, пытающийся за очень небольшое количество отведенного учебной программой времени показать всю многомерность и полноту этого исторического феномена.

В.Х. Акаев в своей работе «Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций» считает, что задача современных исследователей Кавказской войны – «дать целостное видение проблемы, выявление всех аспектов сложного, противоречивого, нередко трагического бытия народов, государств, вовлечен-

ных в Кавказскую войну» [4, с. 57]. Этот посыл, адресованный ученым, вполне может быть применим и в качестве методической основы при освещении проблем, связанных с Кавказской войной, в студенческой аудитории.

Важнейший аспект Кавказской войны, вокруг которого всегда разворачивались жаркие научные и политико-идеологические баталии, – это причины ее возникновения. Примечательно, что, по мнению В.Х. Акаева, объективные причины начала Кавказской войны еще только предстоит выявить [4, с. 58]. Думается, что при обсуждении данного вопроса в студенческой аудитории вполне оправданно привести самые различные версии причин изучаемого феномена, которые чаще всего встречаются в кавказоведческой литературе и при рассмотрении которых необходимо провести их всесторонний анализ. По нашему мнению, в студенческой аудитории должна быть рассмотрена с разных позиций и такая возможная причина войны, как «набеговая система горцев», вызвавшая жесткую критику со стороны значительной части кавказоведов. Другой сложный вопрос: в какой иерархии эти причины выстраивать? В.В. Дегоев, например, предлагает отказаться от такой интерпретации причин Кавказской войны, при которой они располагаются в вертикальном, иерархическом, а не в горизонтальном, синергическом порядке [3, с. 88]. Вполне очевидно, что сделать это крайне сложно.

Чрезвычайно непростая и болезненная проблема – персоналистские оценки ключевых исторических деятелей, связанных с российско-горским военным противостоянием, таких как русские военачальники А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский, лидеры горцев имам Шамиль, Хаджи Мурад, Бейбулат Таймиев. Наиболее яркий пример – генерал А.П. Ермолов, оценка личности и деяний которого на Кавказе колеблется в широком диапазоне – от безудержного восхищения и идеализации до гневного осуждения. Многогранная и противоречивая фигура имама Шамиля, принятые им решения, особенно на последнем этапе Кавказской войны и после ее завершения, нередко тоже становятся предметом жарких споров в научных кругах и публичном поле [5, 6].

В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что любые попытки избегать каких-либо острых тем, связанных с Кавказской войной или любым другим военным, силовым противостоянием между Российской империей и горским населением при изучении истории Северного Кавказа, недопустимы. Ничего, кроме недоверия со стороны молодой, пытливой аудитории, имеющей сегодня доступ к практически безграничному массиву информации, в том числе исторической, это не вызовет.

Задача грамотного, ответственного преподавателя – рассматривать обозначенные выше проблемы максимально объективно и всесторонне; стараться убедительно показать, что взаимоотношения между русскими и горцами отнюдь не ограничивались враждой, войной и взаимным непониманием, что эти отношения не были одномерными, однотипными, застывшими и неизменными. Касаясь проблемы методов «приручения» непокорного края Российским государством, необходимо указывать на то, что обозначенный процесс никогда не исчерпывался исключительно военными, силовыми средствами даже в периоды наиболее острого противостояния.

В этом плане большое внимание в изучении дореволюционной истории Северного Кавказа следовало бы уделить периоду после завершения Кавказской

войны, когда, собственно, и происходила фактическая интеграция горцев в общероссийское социально-экономическое, политическое и культурное пространство, их переориентация с противостояния имперским властям на взаимодействие и сотрудничество, тем более что на сегодняшний день имеется немало исследований, касающихся разнообразных методов и подходов, которые использовались российскими властями для стабилизации политической ситуации в регионе после окончания активных военных действий и превращения его в органичную часть Российского государства.

Освещая обозначенный вопрос, на наш взгляд, необходимо ознакомить учащихся с тремя основными подходами к характеру и возможным методам управления и выстраивания взаимоотношений с национальными окраинами, которые существовали в российских правящих кругах в XIX в.: колониалистский, централистский, регионалистский [9]. Каждому из подходов при изучении данного периода нужно дать краткую характеристику. Особо следует остановиться на регионалистском подходе в теории и практике российских властей на Кавказе. «Регионалисты» выступали за политическую и экономическую интеграцию России и ее национальных периферий в отличие от «колониалистов», которые считали, что окраины с инородческим населением не следует превращать в часть России и, как писал Н. Я. Данилевский, «уподоблять себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения» [7, с. 485]. «Централисты» были приверженцами политики русификации и максимальной унификации национальных окраин с остальной империей ускоренными темпами. Имперский опыт, однако, показал, что управлять территориями, населенными многочисленными народами, на основе унифицированной модели было невозможно. «Регионалисты» считали, что в силу национально-культурной самобытности каждой окраины на нее невозможно в полной мере распространить российскую администрацию, законодательство и суд; придерживались принципа постепенности в проводимых на вновь присоединенных окраинах политико-административных преобразованиях.

Важно продемонстрировать, что на Кавказе во второй половине XIX в., как правило, одерживали верх регионалистские тенденции в управлении [8, с. 35]. Подобные методы заложили в регионе основы политической стабилизации после Кавказской войны и были наиболее результативны в решении проблемы интеграции населения в российское политическое и социокультурное пространство. В процессе преподавания региональной истории необходимо показать практическое воплощение этих методов в политике русских властей в регионе. Регионализм на Кавказе, в частности, проявлялся в существовании института наместничества; введении особой системы управления – «военно-народного» управления – у ряда местных кавказских народностей (в его рамках власть, помимо военной составляющей, опиралась на местные элиты – аристократию, родоплеменную верхушку, в ряде случаев – на духовенство); отступлении от общеимперских образцов законодательства применительно к горскому населению; допущении различных «особенностей» в управлении на местах.

В качестве яркого примера гибкой и продуманной политики в отношении коренного мусульманского населения Кавказа можно привести решение российских властей отказаться от применения к мусульманам закона Александра II о всеобщей воинской повинности и заменить его специальным налогом.

Власти, решившись на подобный шаг, приняли во внимание резко отрицательное отношение мусульман к «солдатчине». Несмотря на то что население Северного Кавказа освобождалось от воинской повинности, это с лихвой компенсировалось наличием всегда достаточного числа добровольцев для поступления на военную службу в национальных иррегулярных формированиях и регулярных войсках Российской империи. К началу Первой мировой войны, например, среди горцев Терской области имелось уже значительное число профессиональных военных, кадровых офицеров Российской армии. Можно привести конкретные имена дослужившихся до высших военных чинов представителей горских народов: среди чеченцев это Орца Чермоев, Ирисхан Алиев. Русская военная служба для многих горцев становилась потомственным семейным занятием. Естественно, что в подобных семьях младшие поколения были изначально ориентированы на верноподданническую службу Российскому государству [9, с. 140].

Во имя стабильности и безопасности в государстве царская администрация старалась не вмешиваться в сферу, регулируемую на Кавказе обычаями и традиционными установками (религия, культура, семья, быт). Например, в этих целях в Терской области, созданной сразу после Кавказской войны, допускалось сосуществование параллельных систем судебных органов для различных категорий населения: казачества, гражданского населения, горцев. В горских судах допускалось применение норм адата и шариата [9, с. 203].

Важнейшим инструментом интеграции Северного Кавказа с остальной империей стала проводимая Россией политика социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. Возникали новые селения, росли города, строилась железная дорога, зарождалось и развивалось промышленное, горнодобывающее, нефтяное производство, появлялись банки и первые кредитные учреждения. Новые возможности для экономической и культурной самореализации, предоставленные Российской империей, быстро нашли отклик у наиболее активной и предприимчивой части горцев. В пореформенный период начинает формироваться прослойка местной торговой и даже промышленной буржуазии.

Важную роль в интеграционных процессах с Российской империей играла и нарождавшаяся горская интеллигенция, которая одной из первых поняла значение русского языка в качестве коммуникативного средства, открывавшего доступ к лучшим достижениям российской и мировой цивилизации.

Подобные примеры позволяют преподавателю объяснить, почему после многолетнего кровавого противостояния между горцами и царской Россией неизбежно происходила их постепенная переориентация с вражды и недоверия на сотрудничество с имперской властью, вовлечение в жизнь многонационального и многоконфессионального российского социума, осознание ими немалых преимуществ существования в рамках территориально огромного государства. Даже среди населения Чечни, наиболее «беспокойной» для царских властей территории Северного Кавказа, спустя несколько десятилетий после Кавказской войны уже было немало людей, вполне приспособившихся к новым условиям жизни и не видевших смысла в попытках их изменить. Этим во многом объясняется тот факт, почему после окончания Кавказской войны массовых политических выступлений горцев против царских властей не было.

Таким образом, несмотря на чрезвычайно сложный и драматичный исторический контекст вхождения северокавказских народов в состав Российской империи, в нем можно найти и те основания, которые в дальнейшем давали горским народам импульс для единения вокруг общих ценностей и интересов в рамках огромного многонационального Российского государства. Подобное выявление в историческом знании социально-интегрирующих начал является сегодня одной из ключевых задач преподавания региональной истории как одного из инструментов формирования модели российской гражданской идентичности.

Разрешению поставленной в исследовании проблемы – изучение способов формирования общероссийской гражданской идентичности посредством развития исторического сознания через изучение региональной истории (в нашем случае – истории Северного Кавказа) – могут способствовать нижеследующие рекомендации.

Научному академическому сообществу кавказоведов необходимо выработать систему информационно-методической поддержки преподавателей истории Северного Кавказа (или его отдельных национальных субъектов) в рамках реализации задачи формирования общероссийской гражданской идентичности через историческое сознание. Эта поддержка в первую очередь необходима начинающим преподавателям для построения открытого и доверительного диалога с юной аудиторией при рассмотрении наиболее болезненных и неоднозначных проблем кавказоведения.

При освещении событий истории Северного Кавказа важно стремиться соблюдать «сюжетный баланс» в изучении истории военно-силовых конфликтов и мирного сосуществования как коренных народов с имперским центром, так и внутри самого разнородного северокавказского социума; уделять должное внимание рассмотрению периодов совместной созидательной деятельности народов региона в составе Российского государства; демонстрировать результаты этой деятельности и для коренного населения в сфере экономического освоения Северо-Кавказского региона, развития здесь образования, медицины, культуры, и для укрепления российской государственности.

В ходе изучения истории края необходимо обратить внимание студенческой аудитории на регионалистский вектор во внутривнутриполитической деятельности имперского центра в отношении национальных окраин России, указать на его особое значение на Северном Кавказе для переориентации горцев после завершения Кавказской войны с противостояния на сотрудничество с имперскими государственными структурами, для сглаживания межкультурных разломов, смягчения противоречий и поиска компромиссов в регионе, сохранения этнической идентичности и традиций населявших его народов.

В качестве последней рекомендации следует отметить, что при преподавании истории Северного Кавказа знаменитый принцип врачебной практики «Не навреди!» должен стать неким императивом для вдумчивого, ответственного преподавателя, имеющего дело с очень юными людьми, чья картина мира и система ценностей только формируются, чей возрастной максимализм неизбежно порождает гиперкритицизм в отношении окружающего мира и собственной страны, толкает на скоропалительные выводы и оценки многих исторических событий и персонажей, нередко становится основанием для необдуманных поступков.

В рамках решения задачи формирования единого исторического сознания через изучение региональной истории подход к изучению событий Кавказской войны, предложенный кавказоведом В.Х. Акаевым, выглядит актуальным и оправданным для всего курса истории Северо-Кавказского региона: «Здесь нужен взвешенный подход, преодолевающий рецидивы жестокой эпохи, опирающийся на принципы гуманизма, выявляющий факторы, работающие на достижение мира, согласия, стабильности на Северном Кавказе, а в целом и на всей территории России» [4, с. 4]. По сути, к этому же призывает ученый другой кавказоведческой школы В.В. Дегоев: «...представляется важным, чтобы в ходе изучения предмета студент овладел не только каким-то минимумом исторических знаний, но и умением встраивать их в определенную мировоззренческую ориентацию, основанную на гуманизме, духовности, веротерпимости, уважении к своей стране, истории и культуре ее народов» [3, с. 98]. Эти подходы, на наш взгляд, необходимо взять за методологическую основу преподавания истории Северного Кавказа в средней и высшей школе на современном этапе.

Благодарности. Настоящая работа написана в рамках государственного задания на тему: «Выработка и закрепление в сознании гражданских ценностей у молодежи, в контексте федеральных и региональных аспектов» (FZNU-2023-0002).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- СГН — Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212190001>, свободный.
- СНБ — Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>, свободный.

Литература

1. Акаев В.Х., Дадуев М.А., Газиев В.З. Формирования гражданской нации в России как естественно-исторический процесс // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 5. С. 95–104. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.5.8>.
2. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин; под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
3. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М.: Навона, 2009. 126 с.
4. Акаев В.Х. Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. Ростов-на-Дону: Социально-гуманит. знания, 2016. 80 с.
5. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль: исторический портрет. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1990. 94 с.

6. *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Рус. панорама, 2001. 371 с.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 573 с.
8. *Киняпина Н. С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.
9. *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 226 с.

Поступила в редакцию 12.01.2024

Принята к публикации 12.03.2024

Мачукаева Лиза Ширваниевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины»

Грозненский государственный нефтяной технический университет

пр. Х. Исаева, д 100, г. Грозный, 364051, Россия

E-mail: liza_m2005@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 173–183

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.173-183

Fostering the All-Russian Civic Identity among Students While Teaching the History of the North Caucasus

L.Sh. Machukayeva

Grozny State Oil Technical University, Grozny, 364051 Russia

E-mail: liza_m2005@mail.ru

Received January 12, 2024; Accepted March 12, 2024

Abstract

This article focuses on the problems associated with shaping the civic identity among students in Russia as they study the history of the North Caucasian peoples. One of the powerful tools to overcome them is to develop a sense of historical consciousness in the younger generation of Russians. However, while the collective memory of the past can serve as a unifying force through shared national values, it can also ignite historical grievances, claims, and conflicts in the present. Here, the debates revolving around the conflicting interpretations of the events that took place in the North Caucasus during the 19th and early 20th centuries (the Caucasian War, the tactics and warfare methods of the Russian military commanders and mountain leaders, the Muhajir movement, and the actions of the imperial power structures) are considered. The questions are raised about how to effectively convey the history of the North Caucasus to the youth, as well as what approaches should be employed to explain the complex, contradictory, and sometimes tragic events of the region's past so that it would contribute to the development of an all-Russian civic identity instead of fueling confrontations and divisions. Several approaches (recommendations) for teaching the history of the North Caucasus are outlined. They highlight the integrative tendencies in the history of the region, emphasizing the factors that unite its diverse peoples, cultures, and worldviews and define their common pathways for historical development.

Keywords: civic identity, historical consciousness, integration, history of the North Caucasus, students, teaching methods

Acknowledgements. This study was performed as part of the state assignment “Development and reinforcement of civic values in the minds of young people, in the context of federal and regional aspects” (FZNU-2023-0002).

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Akaev V.Kh., Daduev M.A., Gaziev V.Z. The formation of the civilian nation in Russia as natural and historical process. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 2018, vol. 7, no. 5, pp. 95–104. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.5.8>. (In Russian)
2. Evgen'eva T.V., Kuznetsov I.I., Perevezentsev S.V., Selezneva A.V., Sorokopudova O.E., Strakhov A.B., Boronin A.R. *Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti: uchebnoe posobie dlya studentov, izuchayushchikh sotsiogumanitarnye nauki* [Fundamentals of Russian Statehood: A Textbook for Students Studying Social Sciences and Humanities]. Perevezentsev S.V. (Ed.). Moscow, Izd. Dom “Delo” RANKhiGS, 2023. 550 p. (In Russian)
3. Degoev V.V. *Vvedenie v politicheskuyu istoriyu Severnogo Kavkaza (XVI vek – 1917 god)* [An Introduction to the Political History of the North Caucasus (From the 16th Century to 1917)]. Moscow, Navona, 2009. 126 p. (In Russian)
4. Akaev V.Kh. *Fenomen Kavkazskoi voyny: analiz starykh i novykh kontseptsii* [The Phenomenon of the Caucasian War: Exploring Old and New Concepts]. Rostov-on-Don, Sots.-Gumanit. Znaniya, 2016. 80 p. (In Russian)
5. Ramazanov Kh.Kh., Ramazanov A.Kh. *Shamil': istoricheskii portret* [Shamil: A Historical Portrait]. Makhachkala, Dagest. Kn. Izd., 1990. 94 p. (In Russian)
6. Degoev V.V. *Imam Shamil': prorok, vlastitel', voyn* [Imam Shamil: Prophet, Ruler, and Warrior]. Moscow, Russ. Panorama, 2001. 371 p. (In Russian)
7. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga, 1991. 573 p. (In Russian)
8. Kinyapina N.S. The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia during the 19th century. *Voprosy Istorii*, 1983, no. 4, pp. 35–47. (In Russian)
9. Machukayeva L.Sh. The system of government in the North Caucasus between the late 19th and early 20th centuries (insights from the Terek region). *Cand. Hist. Diss.* Moscow, 2004. 226 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Мачукаева Л.Ш. Формирование общероссийской гражданской идентичности студентов в процессе преподавания истории Северного Кавказа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 173–183. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.173-183>. ⟩

⟨ **For citation:** Machukayeva L.Sh. Fostering the all-Russian civic identity among students while teaching the history of the North Caucasus. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 173–183. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.173-183>. (In Russian) ⟩